

А Д В О К А Т С К А Я П А Л А Т А
города Москвы
С О В Е Т

РЕШЕНИЕ

город Москва

№ 287

28 ноября 2024 года

**О дисциплинарном производстве
в отношении адвоката К.
по жалобе С.**

Совет Адвокатской палаты города Москвы в составе ..., с участием заявителя С. и адвоката К., рассмотрев в закрытом заседании с использованием видео-конференц-связи дисциплинарное производство, возбужденное по жалобе С. без даты (вх. № ...) в отношении адвоката К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов),

установил:

Квалификационная комиссия Адвокатской палаты города Москвы 18 сентября 2024 года вынесла заключение:

– о нарушении адвокатом К. положений п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя»), выразившемся в том, что он поставил себя в долговую зависимость от доверителя С., взяв у нее по Договору займа от 16 февраля 2022 года 1 000 000 рублей (17 февраля 2022 года 500 000 рублей и 18 февраля 2022 года 500 000 рублей) с условием возврата не позднее 16 апреля 2022 года, и взяв у нее по Договору займа от 29 марта 2022 года еще 1 000 000 рублей (29 марта 2022 года 950 000 рублей и 31 марта 2022 года 50 000 рублей) с условием возврата не позднее 29 апреля 2022 года, а всего 2 000 000 рублей, однако долг доверителю С. до настоящего времени не возвратил;

– о необходимости прекращения в оставшейся части дисциплинарного производства, возбужденного в отношении адвоката К. по жалобе по жалобе С. без даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

Адвокат К. в заседании Совета сообщил, что получил заключение Квалификационной комиссии и ознакомился с ним, поддержал свое письменное заявление о несогласии с заключением Квалификационной комиссии (вх. ...). В указанном заявлении адвокат К. утверждает, что Квалификационная комиссия посчитала доказанным факт заключения договоров займа между ним и С. исключительно на доказательствах «обвинения», игнорируя объяснения адвоката и представленные им доказательства того, что договоры займа им не заключались, а денежные средства С. выплачивала ему в счет задолженности по договору цессии, заключенному адвокатом К. с ООО «...», по которому к К. перешло право требования указанного Общества к С. Кроме того, адвокат К. в своем заявлении о несогласии с заключением Квалификационной комиссии указывает на то, что, по его мнению, сроки привлечения его к дисциплинарной ответственности истекли, и выражает непонимание предмета дисциплинарного обвинения: вступление в долговую зависимость от доверителя или невозвращение долга заявителю. Помимо этого, адвокат К. в заявлении указал, что инициатором поданной С. жалобы является гражданка И., которую он в 2022 году уволил по негативным основаниям, в связи с чем она совместно с Кл. (представитель заявителя С.) и Г. мстит адвокату К., в том числе и таким способом. Просит Совет вернуть дисциплинарное производство в Квалификационную комиссию для нового разбирательства с целью исследования оригиналов документов вместо их копий, представленных в дисциплинарное производство. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщил, что доказательств уведомления С. о состоявшейся уступке права требования у него нет, а также затруднился указать причину непредставления им имеющихся у него оригиналов документов, равно как и основания для сомнений в идентичности и достоверности их копий, имеющихся в материалах дисциплинарного производства.

Заявитель С. в заседании Совета сообщила, что заключение Квалификационной комиссии она получила, ознакомилась с ним, с выводами Комиссии полностью согласна. Отвечая на вопросы членов Совета, сообщила, что никаких уведомлений от адвоката К. об уступке права требования к ней она не получала, и ей ничего об этом неизвестно, с гражданкой И. она знакома только в связи с судебными заседаниями, в которых та участвовала вместо адвоката К. в 2021 – 2022 годах. После этого она с И. не общалась, о ее увольнении и ее обстоятельствах ничего не знает. Просила Совет применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката, обосновав это тем, что он повел себя крайне недобросовестно, а именно: являясь ее представителем по делам о разделе имущества с бывшим супругом, адвокат К. заведомо знал, когда и какие денежные средства должен выплачивать бывший супруг в качестве компенсации, получил от нее в долг крупную денежную сумму в размере 2 000 000 рублей и, как она теперь понимает, не собирался возвращать долг. С. полагает, что подобные действия

недопустимы для адвоката, подрывают доверие как к адвокату, так и к адвокатуре в целом.

Совет, рассмотрев дисциплинарное производство, выслушав его участников, соглашается с заключением Квалификационной комиссии и ее выводами, поскольку они основаны на правильно и полно установленных обстоятельствах дела.

В результате дисциплинарного разбирательства установлены следующие фактические обстоятельства.

С. в 2010 году вступила в брак с В. и в замужестве носила фамилию супруга. Брак был расторгнут решением ... районного суда города Москвы от ... января 2022 года по гражданскому делу № ... о разводе и разделе общего имущества супругов, возбужденному по иску заявителя к В. В соответствии со свидетельством о расторжении брака от 14 марта 2022 года после расторжения брака заявителю была присвоена фамилия С.

21 июля 2021 года С. заключила с ООО «...» Соглашение № ... об оказании консультационных (юридических) услуг и представлению интересов заказчика в судах РФ, в соответствии с пунктами 1 и 2 которого исполнитель (ООО «...») принял на себя обязательство представлять интересы С. в судах по иску о расторжении брака, взыскании алиментов, разделе совместно нажитого имущества, в том числе «обеспечить участие квалифицированных специалистов (адвокатов) в качестве представителей С.». В эту же дату заявитель выдала адвокату К. нотариальную доверенность, наделив его и иных указанных в доверенности лиц (И., М.) правом представлять свои интересы в судах со всем объемом полномочий, предусмотренных нормами процессуального законодательства Российской Федерации, включая, в том числе, право на обращение с иском, заключение мирового соглашения, представление интересов в исполнительном производстве.

Согласно условиям мирового соглашения по делу о разделе имущества супругов В., утвержденного определением ... районного суда города Москвы от ... января 2022 года, В. должен был выплатить С. 4 555 500 рублей по следующему графику: до 11 февраля 2022 года – 1 000 000 рублей, до 11 марта 2022 года – 1 000 000 рублей, до 11 апреля 2022 года 1 000 000 рублей и до 11 мая 2022 года – оставшуюся сумму 1 555 500 рублей. Адвокат К. оказывал заявителю юридическую помощь по указанному делу о разводе и разделе общего имущества супругов В. и знал об этих условиях мирового соглашения.

08 января 2022 года заявителем с адвокатом К. было заключено Соглашение № ... об оказании юридической помощи, которое заявителем расторгнуто не было.

Таким образом, заявитель С. в силу ст. 6.1 Кодекса профессиональной этики адвоката являлась доверителем адвоката К. и как лицо, которому он оказывал юридическую помощь, и как лицо, с которым он заключил соглашение об оказании юридической помощи.

В период после заключения С. с адвокатом К. Соглашения от 08 января 2022 года и до истечения срока исполнения В. условий мирового соглашения между С. и адвокатом К. были заключены два договора займа (от 16 февраля 2022 года и от 29 марта 2022 года), в соответствии с условиями которых С. выдала адвокату К. займы денежные средства в общей сумме 2 000 000 рублей, что подтверждается чеками ПАО «Сбербанк» от 17 и 18 февраля, 29 и 31 марта 2022 года, а также справкой ПАО «Сбербанк». Из чеков и справки усматривается следующее назначение платежей, совершенных в феврале 2022 года: *«договор займа между физическими лицами»*.

Адвокат К. полученные в долг денежные средства заявителю не возвратил, а спустя полгода после истечения срока их возврата – 26 сентября 2022 года обратился в Арбитражный суд города Москвы с заявлением о признании себя несостоятельным (банкротом), не сообщив об этом доверителю С. и не внося ее в список кредиторов в соответствии с требованиями п. 3 ст. 213.4 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)».

С. обращалась в ... районный суд города Москвы с иском о взыскании денежных средств по договорам займа, однако ее исковое заявление было оставлено без рассмотрения ввиду того, что к моменту ее обращения в суд адвокат К. уже был признан банкротом. После этого С. обратилась в Арбитражный суд города Москвы в рамках дела о признании адвоката К. несостоятельным (банкротом) с заявлением о включении ее требований в реестр требований кредиторов. Определением Арбитражного суда города Москвы от ... мая 2024 года по делу № ... требования С. в размере 2 497 093 рубля были признаны обоснованными, однако подлежащими удовлетворению за счет имущества, оставшегося после удовлетворения требований кредиторов, включенных в реестр требований кредиторов третьей очереди. Суд первой инстанции, рассматривая заявление С. о включении ее требований в реестр требований кредиторов должника К., указал на пропуск ею установленного п. 2 ст. 213.8 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» двухмесячного срока на подачу такого заявления и отказал в удовлетворении ходатайства о восстановлении пропущенного срока. Постановлением ... арбитражного апелляционного суда от ... августа 2024 года указанное определение оставлено без изменения, а апелляционная жалоба К. – без удовлетворения.

Заявитель С. выдвинула в отношении адвоката К. дисциплинарное обвинение в нарушении п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката, выразившееся в том, что он поставил себя в долговую зависимость от доверителя С., взяв у нее 16 февраля 2022 года и 29 марта 2022 года в долг на два месяца денежные средства в сумме 2 000 000 рублей, которые не вернул. По мнению С., умышленный отказ адвоката от погашения крупной задолженности приводит к подрыву доверия к нему и к адвокатуре.

Кроме того, в жалобе выдвинуто обвинение в том, что адвокат К. говорил по телефону с доверителем в неподобающих тоне и манере, обратился к С. на «ты» со словами «Кто ты такая?», а также в том, что

адвокат К. обманул заявителя, заранее не намереваясь возвращать ей полученные в долг денежные средства.

Рассматривая дисциплинарное обвинение во вступлении адвоката К. в долговую зависимость от доверителя С., Совет приходит к выводу о его обоснованности.

Пунктом 4 статьи 10 Кодекса профессиональной этики адвоката установлено, что адвокат не должен ставить в себя в долговую зависимость от доверителя.

Как указано выше, С. в момент выдачи займов адвокату К. являлась доверителем последнего.

Действительность договоров займа, а также наличие задолженности адвоката К. перед займодавцем С., образовавшейся по этим договорам, установлены указанным выше определением Арбитражного суда города Москвы от ... мая 2024 года по делу № Это определение вступило в законную силу по результатам рассмотрения апелляционной жалобы адвоката К. ... арбитражный суд города Москвы, отказав постановлением от ... августа 2024 года в удовлетворении этой жалобы, указал, помимо прочего, что отсутствие подписи займодавца С. на договорах займа не свидетельствует об их незаключенности, а факт передачи денег С. документально подтвержден.

Денежные средства были предоставлены С. адвокату К. в качестве займа в период, когда она являлась его доверителем.

Довод адвоката К. о наличии долга заявителя перед ним, якобы возникшего на основании уступки ему требования ООО «...» к С., какими-либо доказательствами не подтвержден. Более того, данный довод адвокатом К. в ходе разрешения арбитражными судами заявления С. о включении ее требований к нему в реестр требований кредиторов не заявлялся, доказательства уведомления С. об уступке права требования к ней от ООО «...» в пользу К. также отсутствуют, сама С. данные обстоятельства отрицает.

Представленная С. в материалы дисциплинарного производства переписка с адвокатом К. за 15-18 февраля и 17-31 марта 2022 года подтверждает, что по истечении срока осуществления первых платежей по мировому соглашению в пользу С. адвокат К. обращался к ней с просьбой предоставить *«один-два миллиона сроком на один месяц, готов под процент»*, прислал ей оба договора займа со своей подписью, получал от нее копии чеков о переводах денежных средств по ним. Данная переписка представлена заявителем в составе заключений специалистов по исследованию цифровой информации, в которых подтверждается, что переписка не имеет следов корректировки либо монтажа, и подлинность данной переписки адвокатом К. не отрицалась.

При таких обстоятельствах Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, приходит к выводу о нарушении адвокатом К. положений п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката при описанных обстоятельствах.

Совет отклоняет как несостоятельные и надуманные доводы адвоката К. о неясности предмета данного дисциплинарного обвинения и об истечении срока применения к нему мер дисциплинарной ответственности, поскольку предмет дисциплинарного обвинения сформулирован в заключении Квалификационной комиссии исчерпывающе ясно с приведением всех фактических обстоятельств и с указанием на делящийся характер этого нарушения, продолжающегося и в момент рассмотрения дисциплинарного производства Советом в силу невозвращения долга и, следовательно, продолжающейся недопустимой долговой зависимости адвоката от доверителя. Адвокат К. как профессиональный советник по правовым вопросам не может не осознавать этих очевидных обстоятельств. Совет также не находит оснований для направления дисциплинарного производства Квалификационной комиссии для нового разбирательства, поскольку, вопреки голословным утверждениям адвоката К., все фактические обстоятельства установлены Квалификационной комиссией с достаточной полнотой, а все ее выводы, в том числе о правовой оценке деяния адвоката, мотивированы и не содержат противоречий.

Рассматривая дисциплинарное обвинение в неподобающей манере общения с С., Совет, соглашаясь с Квалификационной комиссией, признает его необоснованным. Согласно пп. 6 и 7 п. 2 ст. 20 Кодекса профессиональной этики адвоката жалоба в отношении адвоката должна содержать указание на конкретные действия (бездействие) адвоката, в которых выразилось нарушение им профессиональных обязанностей, и доказательства, подтверждающие соответствующие обстоятельства. Этим требованием рассматриваемое дисциплинарное обвинение не соответствует, в связи с чем дисциплинарное производство в данной части подлежит прекращению.

К такому же выводу Совет приходит в отношении довода жалобы о том, что адвокат К. обманул заявителя С., заранее не намереваясь возвращать ей денежные средства, поскольку в полномочия органов адвокатского самоуправления не входит оценка действий адвоката на предмет наличия в них состава уголовно наказуемого деяния. Такая оценка может быть дана только уполномоченными государственными органами в порядке уголовного судопроизводства, установленном УПК РФ.

Избирая в соответствии с требованиями п. 4 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката меру дисциплинарной ответственности в отношении адвоката К. за совершенное нарушение, Совет учитывает его умышленный и грубый характер, свидетельствующий о злостном игнорировании адвокатом К. основополагающих требований профессиональной этики, касающихся отношений адвоката с доверителем. Совет отмечает, что это нарушение совершено им сознательно и причинило существенный вред доверителю С., которая в условиях банкротства К. лишена возможности вернуть переданные ему займы денежные средства. Совет расценивает профессиональное поведение адвоката К. как недопустимое и причиняющие ущерб авторитету адвокатуры. Кроме того,

Совет принимает во внимание, что его решением от ... 2023 года № ... к адвокату К. была применена мера дисциплинарного взыскания в виде предупреждения за нарушение требований пп. 4 п. 1 ст. 7 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и п. 2 ст. 5 Кодекса профессиональной этики адвоката, что свидетельствует о том, что недобросовестное и недопустимое профессиональное поведение адвоката К. носит систематический характер, и в силу этих причин оно несовместимо со статусом адвоката. При таких обстоятельствах Совет считает необходимым применить к адвокату К. меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката. Совет не находит оснований для применения к адвокату К. более мягкой меры дисциплинарной ответственности из числа предусмотренных п. 6 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката, как с учетом систематического характера и тяжести нарушений, так и в силу того, что это могло бы создать ложное впечатление о совместимости подобного поведения с принадлежностью к адвокатскому сообществу.

В соответствии с п. 2 ст. 17 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» статус адвоката может быть прекращен по решению совета адвокатской палаты, членом которой является адвокат, на основании заключения квалификационной комиссии при: неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом своих профессиональных обязанностей; нарушении адвокатом норм кодекса профессиональной этики адвоката; неисполнении или ненадлежащем исполнении адвокатом решений органов адвокатской палаты, принятых в пределах их компетенции.

Определяя в соответствии с п. 7 ст. 18 Кодекса профессиональной этики адвоката срок, по истечении которого К. может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, Совет, учитывая все установленные обстоятельства, в том числе данные о личности и профессиональной деятельности К., считает необходимым установить этот срок продолжительностью в 3 (три) года.

На основании изложенного, руководствуясь пп. 2 п. 2 ст. 17, пп. 9 п. 3 ст. 31 Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации», п. 1, п. 4–5, пп. 3 п. 6, п. 7 ст. 18, пп. 1, 2 п. 1, п. 1.1 ст. 25 Кодекса профессиональной этики адвоката, Совет Адвокатской палаты города Москвы

решил:

Применить к адвокату К. (регистрационный номер ... в Едином государственном реестре адвокатов) меру дисциплинарной ответственности в виде прекращения статуса адвоката за нарушение положений п. 4 ст. 10 Кодекса профессиональной этики адвоката («Адвокат не должен ставить себя в долговую зависимость от доверителя»), выразившееся в том, что он поставил себя в долговую зависимость от доверителя С., взяв у нее по

Договору займа от 16 февраля 2022 года 1 000 000 рублей (17 февраля 2022 года 500 000 рублей и 18 февраля 2022 года 500 000 рублей) с условием возврата не позднее 16 апреля 2022 года, и по Договору займа от 29 марта 2022 года – еще 1 000 000 рублей (29 марта 2022 года 950 000 рублей и 31 марта 2022 года 50 000 рублей) с условием возврата не позднее 29 апреля 2022 года, а всего 2 000 000 рублей, однако долг доверителю С. до настоящего времени не возвратил.

Установить в отношении К. срок, по истечении которого он может быть допущен к сдаче квалификационного экзамена на приобретение статуса адвоката, в 3 (три) года.

Прекратить в оставшейся части дисциплинарное производство, возбужденное в отношении адвоката К. по жалобе С. без даты (вх. № ...), вследствие отсутствия в иных действиях (бездействии) адвоката нарушения норм законодательства об адвокатской деятельности и адвокатуре, включая Кодекс профессиональной этики адвоката.

**Президент
Адвокатской палаты города Москвы**

С.Б. Зубков